

ИРИНА САВКИНА

## «ЕСЛИ РАДОСТЬ НА ВСЕХ ОДНА...», или АВТОПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЯ В ЮНОСТИ

---

Неужели себя я найду,  
И сомненья свои освистаю,  
И двенадцати мартов в году  
Никогда уже не насчитаю?

*А. Решетов (1964)*

### ЗАЧЕМ ЧИТАТЬ ЧУЖИЕ ДНЕВНИКИ?

Почти каждая публикация дневников, особенно написанных обычными, «незамечательными» людьми, вызывает споры о том, насколько этично читать такие тексты. Участники этих споров вновь и вновь приводят один аргумент: дневник — это акт автокоммуникации, не предполагающий любопытного соглядатая. Разве что исследователю, пребывающему в надежной позиции, которая предполагает некую нейтральность, позволительно нарушить моральные табу во имя благих научных интересов.

Однако я уверена, что чтение чужих дневников не только позволительное, но и необыкновенно интересное и полезное занятие. И этому занятию можно предаваться, не вступая в сообщество под девизом «Долой стыд», потому что дневники, особенно юношеские и девичьи, — это тексты адресованные, ожидающие своего читателя. Тексты, в которых автор балансирует между страхом быть застигнутым за описанием сокровенного и жаждой быть услышанным<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См. например, исследования девичьих дневников: *Борисов С.* Культур-антропология девичества. Шадринск: Шадринский год. пед. ин-т, 2000. С. 60–61; *Савкина И.* Девичий дневник — чужое и свое: Дневник Анны Олениной // Савкина И. Пишу себя: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой

Те, у кого потребности к диалогу нет, не пишут дневников или своевременно их уничтожают.

Впрочем, здесь нас подстерегает еще один вопрос: если мы даем себе право читать чужие дневники, особенно дневники обычных, «незамечательных» людей, то зачем? Что мы хотим там отыскать, обнаружить? Следы и приметы времени? Тайны и очевидные реакции человеческой психики? Занимательные и обыкновенные истории? Особенности и модификации определенного рода текстов? Что мы хотим вычитать в дневниках? Или, может быть, «вчитать» в них? Ведь случается, что, читая дневники, мы ищем не открытий, а лишь подтверждений того, что уже знаем об истории и о человеке, по словам Герцена, «случайно попавшемся на ее дороге»?<sup>2</sup>

Вопросы эти не совсем риторические и имеют прямое отношение к замыслу книги и выбору текстов, в нее вошедших. Собрание включает в себя семь дневников. Отрочество и молодость их авторов пришлись на первую половину 1960-х — годы так называемой оттепели. Это четыре юноши и три девушки, родившиеся в период

---

половины XIX века. Тампере: Университет Тампере, 2001. С. 104–120; *Лежен Ф.* «Я» молодых девушек / пер. с фр. Е. Гречаной // Автобиографическая практика в России и во Франции: сб. статей / под ред. К. Вьолле и Е. Гречаной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 13–29; и др.

<sup>2</sup> О жанре дневника см., например: *Вьолле К., Гречаная Е.* Дневник в России в конце XVIII — первой половине XIX в. как автобиографическая практика // Автобиографическая практика в России и во Франции. С. 57–111; *Зализняк А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. С. 162–180; *Егоров О.* Русский литературный дневник XIX века: История и теория жанра. М.: Флинта, Наука, 2003; *Кобрин К.* Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295; *Михеев М.* Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). М.: Водолей Publishers, 2007; *Савкина И.* Я и Ты в женском дневнике // Савкина И. Разговоры с зеркалом и зазеркальем. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 95–190; *Паперно И.* Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах: Опыт чтения. М.: Новое литературное обозрение, 2021 (перевод работы 2009 года, ссылку на которую см. здесь же в конце списка); *Culley M.* Introduction to a Day at a Time: Diary Literature of American Women from 1764 to 1985 // *Women, Autobiography, Theory: A reader* / ed. by Sidonie Smith, Julia Watson. Madison: University of Wisconsin Press, 1998. P. 217–221; *Nussbaum F. A.* Towards Conceptualizing Diary // *Studies in Autobiography* / ed. by James Olney. New York, Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 128–140; *Paperno I.* What Can Be Done with Diaries // *The Russian Review*. 2004. No 63 (October). P. 561–573; *Paperno I.* *Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams.* Itaka, London: Cornell University Press, 2009.

с 1943 по 1948 год. Во время ведения публикуемых дневников они учились в старших классах средней школы и были представителями именно того поколения советских людей, которому принятая в 1961 году Программа КПСС пообещала, что оно «будет жить при коммунизме».

Отобранные для публикации дневники интересны тем, что запечатленная в них молодость авторов (если воспользоваться заезженной метафорой — «весна их жизни») совпала с периодом оттепели в советской истории — и это создает своеобразную атмосферу, которая чувствуется при чтении.

## ОТТЕПЕЛЬ В ИСТОРИИ И ДНЕВНИКАХ

Подробная характеристика периода оттепели не входит в мои задачи, это уже успешно сделано многими исследователями<sup>3</sup>. Начавшаяся в 1956 году с критики культа личности Сталина на XX съезде, породившем надежды на обновление жизни государства и общества, оттепель закончилась в 1968 году вводом советских танков в Чехословакию, руководство которой предприняло попытку на практике начать строительство «социализма с человеческим лицом»<sup>4</sup>.

<sup>3</sup> Стоит упомянуть прежде всего подробную комментированную хронику событий культурной жизни оттепели на широком общественно-историческом фоне, воссозданную в книге С. Чуприна «Оттепель. События. Март 1953 — август 1968 года» (М.: Новое литературное обозрение, 2020) с помощью архивных публикаций, писем, воспоминаний и дневников очевидцев. См. также: *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М.: Новое литературное обозрение, 1996; *Пыжиков А.* Хрущёвская оттепель: 1953–1964. М.: Олма-Пресс, 2002; *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s / ed. by D. Kozlov, E. Gilburd.* Toronto: University of Toronto Press, 2013; *Герасимова О.* «Оттепель», «заморозки» и студенты московского университета. М.: АИРО — XX век, 2015, а также множество других книг и статей, касающихся различных аспектов оттепели. Большая разнообразная библиография есть, например, в предисловии к сборнику «После Сталина: советская субъективность (1953–1985)» (под ред. А. Пинского; СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 9–38), написанном А. Пинским.

<sup>4</sup> Некоторые историки ограничивают период оттепели так: с 1953 (смерть И. В. Сталина) по 1964 (смещение Н. С. Хрущёва и приход к власти Л. И. Брежнев) год.

Этот сложный и неоднозначный период вместил в себя такие события, как Фестиваль молодежи и студентов 1957 года, принятие Новой программы КПСС (программы строительства коммунизма) в 1961 году, поставивший мир на грань ядерной войны Карибский кризис 1962 года, строительство мощнейших гидроэлектростанций в первой половине 1960-х, космический полет Юрия Гагарина в 1961-м, жестоко подавленный бунт рабочих в Новочеркасске в 1962-м, взлет и падение (в 1964 году) Н. С. Хрущёва, реабилитация репрессированных, новые гонения на церковь, достижения и провалы в науке и искусстве и многое другое.

Названные события, как и общая неповторимая атмосфера этого времени, запечатлены и на страницах дневников современников. Можно назвать множество интереснейших, опубликованных полностью или фрагментарно дневников, авторами которых были известные литераторы (Корней и Лидия Чуковские, Юрий Нагибин, Александр Твардовский, Алексей Кондратович, Фёдор Абрамов, Владимир Лакшин, Игорь Дедков, Любовь Шапорина, Анатолий Гребнев и многие другие) и люди иных профессий. Дневниковые записи в это время вели как представители «поколения оттепели»<sup>5</sup>, те, кого позже назовут шестидесятниками, так и люди более старшего возраста (к примеру, названные выше Корней Чуковский или Любовь Шапорина). Все они описывают события названного периода, вне зависимости от оценок, сопоставляя их с происходящим ранее; смотрят на оттепель сквозь призму своего жизненного опыта. Они ощущают и понимают исторический масштаб и судьбоносность (в общем и персональном смысле) совершающегося на их глазах. Анатолий Пинский, исследуя дневники писателей и критиков времен оттепели, утверждает, что именно в этом жанре очевидны изменения, происходящие с «советским субъектом»: по его мнению, реальные дневники и художественные тексты, написанные в форме дневника, демонстрируют существование некоего «эмпирического императива» — смещения

---

<sup>5</sup> «Поколение оттепели» — так названа книга воспоминаний известной правозащитницы Людмилы Алексеевой (1927–2018), где она рассказывает о жизни и борьбе диссидентов, своих «сопластников», как выражался Александр Герцен.

авторского взгляда на подробное и критическое изображение деталей повседневности<sup>6</sup>.

Родившиеся в середине и конце 1940-х молодые люди, которые в период оттепели только заканчивают среднюю школу, относятся к окружающей их реальности иначе: они воспринимают происходящее вокруг и с ними как естественное и единственно возможное. Для них оттепельная советская действительность — повседневность, воздух, которым они наполняют свои молодые легкие. Читая дневники людей, которым в кульминационные годы оттепельной драмы было по 15–17 лет, мы можем наблюдать, как шокирующее новое рутинизируется, превращается из эксцесса в обыденность, как история впечатывается в тело и письмо.

## КАК БЫЛИ ВЫБРАНЫ ТЕКСТЫ ДЛЯ ЭТОЙ КНИГИ

Как я уже писала выше, в состав данного сборника включены семь дневников молодых людей, родившихся в 1943–1948 годах. Тексты выбраны из большого корпуса проекта «Прожито»<sup>7</sup>, которому авторы или наследники передают эго-тексты для сохранения и (при определенных условиях) чтения и исследования. В сборнике «Прожито», как и в этом сборнике, есть некоторый гендерный дисбаланс: мужских дневников больше, чем женских, хотя, как показывают исследования<sup>8</sup>, мужчины, особенно юные,

<sup>6</sup> Пинский А. Дневниковая форма и субъективность в хрущёвскую эпоху // После Сталина: советская субъективность (1953–1985). С. 145–178.

<sup>7</sup> Проект «Прожито» был создан в 2015 году как площадка для собирания и публикации текстов личных дневников на русском и украинском языках, а в 2019 году был создан Центр изучения эго-документов Европейского университета в Санкт-Петербурге (с тем же названием — «Прожито»). Усилиями участников проекта создана электронная библиотека датированных личных записей. Общий объем корпуса — более полумиллиона подневных записей XVIII–XX вв. См.: <http://prozhito.org>.

<sup>8</sup> См., например: Гальцова Е. Д. Исследование современной практики ведения дневника в России // Автобиографическая практика в России и во Франции. С. 252–260.

реже ведут дневники, чем женщины, но, вероятно, последние меньше придают значения своим текстам, чаще их стыдятся и уничтожают.

Авторы отобранных нами дневников — люди примерно одного возраста, но различного бэкграунда и разных возможностей: это жители Москвы (Сергей Попадюк), Ленинграда (Алла Сарибан), Уфы (Михаил Балашов), Тамбова (Галина Щербакова), Калининна (Сергей Глушков), Череповца (Зинаида Лыкова, в замужестве Лелянова) и деревни в Рамешковском районе Калининской области (Виктор Архиреев). Все наши герои испытывали потребность вести дневник и делали записи годами, некоторые — почти всю жизнь. В настоящей книге представлены только те фрагменты, которые относятся к последним школьным годам.

Почему были выбраны эти семь дневников, а не другие? В фонде проекта «Прожито» примерно две с половиной сотни дневниковых текстов с записями о периоде с 1956 по 1968 год. Школьных дневников среди них не так уж и много — меньше двадцати. Некоторые из этих дневниковых текстов уже опубликованы авторами или наследниками. Авторы других предпочитают не раскрывать свои имена. Какие-то из них написаны молодыми людьми, родившимися в начале 1950-х, так что их дневники запечатлели уже не собственно оттепель, а еще очень свежую память о ней и начинающуюся «ностальгизацию» и мифологизацию. Это весьма интересный, но иной сюжет.

Те дневники, которые выбраны для публикации, на мой взгляд, очень индивидуальны и в то же время имеют нечто принципиально общее. С одной стороны, условия жизни, уровень достатка в семье, степень образованности родителей и их заинтересованности в жизни и развитии детей, возможность доступа к материальным и интеллектуальным ресурсам, окружающая среда, качество школьного и дополнительного образования у наших авторов не одинаковы. И, естественно, разнятся их характеры, степень литературной одаренности, способности и навыки саморефлексии. Различия очевидны и выразительны, но на их фоне особенно явно выступает общность. В какой-то степени все семь текстов можно рассматривать как своего рода метатекст, как некий «дневник подростка оттепели»: в них есть общая атмосфера

открытости будущему, ощущение полноты и осмысленности жизни, которое, согласно многим воспоминаниям и исследованиям, было характерно для эпохи оттепели.

## ДНЕВНИК МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА И ПРОБЛЕМА АДРЕСОВАННОСТИ

Содержание и форма избранных дневниковых текстов определяют не только временем написания, но и возрастом их авторов. Дневник молодого человека/девушки — это особый вид диаристики. Уже начиная с XVIII века, когда практика ведения подневных записей укореняется в русской культуре, дневник используется как инструмент воспитания и самовоспитания<sup>9</sup>; часто учителя или родители побуждают мальчиков и девочек вести дневники и контролируют их содержание. На Западе дневник как автодидактический текст был связан с протестантско-моралистической традицией, в России начала XIX века, по замечанию исследовательницы русской литературы Лидии Яковлевны Гинзбург, на популярность такой формы самоописания повлияла публикация перевода книги Ивана Масона «Познание самого себя», которая предлагала целую программу упражнений по самонаблюдению и очищению души<sup>10</sup>. Практика ведения дневника молодыми людьми как опыт самопознания и самоотчета, получившая широкое распространение в XIX веке, не исчезла и в советское время, когда, как отмечают Йохен Хелльбек и Олег Хархордин, также весьма поощрялись самодисциплинирование и самоконтроль<sup>11</sup>. В этом смысле дневники советских молодых

<sup>9</sup> *Волле К., Гречаная Е.* Дневник в России... С. 57–111; *Савкина И.* Я и Ты в женском дневнике. С. 95–190; *Лямина Е. Э., Пастернак Е. Е.* Предисловие к публикации: Колечицкая А. И.: Мои записки от 1820 года // Лица: Биографический альманах / сост. и ред. А. И. Рейтблат. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1995. Вып. 6. С. 32–68. Также здесь можно указать книгу Л. Гинзбург, упомянутую в следующей сноске.

<sup>10</sup> *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. Л.: Советский писатель, 1971. С. 38–40.

<sup>11</sup> См.: *Хархордин О.* Обличать и лицемерить: Генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002 (см. особенно главу «Работа над собой», с. 291–362); *Хелльбек И.* Революция

людям можно в какой-то степени рассматривать в одном ряду с ритуалами публичных «самоучетов» и самоотчетов, которые проводились в ситуациях принудительной (как на комсомольских собраниях) или добровольной (как, например, в коммунарских практиках)<sup>12</sup> коллективности.

Дневники, которые представлены в этой книге, тоже полны планов и самоотчетов, самокритики: авторы то и дело дают «поспешные обеты», как писал Евгений Боратынский, «смешные, может быть, всевидящей судьбе». «Я нравлюсь себе, когда мне удастся хоть немножко проявить силу воли. Надо, надо выработать характер» (СП<sup>13</sup>); «Когда шла домой, размышляла о жизни. Вспомнила, как вчера опять нагрубила папе. Ну, почему я такая?! Какая? Ужасно невыдержанная. <...> Думаю, что главная причина в том, что я считаю себя хуже всех. Ну, не могу поверить в себя, в свои силы! Слишком уж часто от меня отмахивались. Вероятно, поэтому у меня и нет чувства собственного достоинства» (ЗЛ); «Завидую цельным людям, которые не мечутся и не сомневаются так, как я» (ГЩ); «Та жизнь, которую я сейчас веду, мне не очень нравится, потому что она совершенно не дает возможности развития, не говоря уже о том, что это нездоровая в нервном отношении жизнь» (АС); «Много ленюсь, таскаю лишний груз, который надо давно сбросить с себя. <...> Я понял, что у меня были недостатки, но хорошо, что я их вовремя понял. Я их исправлю» (ВА).

Сама практика ведения дневника воспринимается как дисциплинирующая, развивающая волю: «Я буду записывать каждый день и этим вести себе учет, не давать заглохнуть до самого конца, поддерживать себя этим. Ведь это будет самое трудное время» (АС); «Я все-таки записала в дневник. Развиваю силу воли» (ГЩ).

---

от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017 (глава «Большевистские взгляды на дневник», с. 57–76).

<sup>12</sup> Имеется в виду ритуал «откровенного разговора» в коммунарском движении, когда коммунары должны были предельно откровенно оценивать характеры и поступки друг друга. О коммунарском движении см.: Димке Д. Советская педагогическая утопия 1960-х годов. М.: Common place, 2018.

<sup>13</sup> При цитировании дневников, вошедших в настоящий сборник, я буду использовать для указания авторства инициалы имен: ВА – Виктор Архиреев, СП – Сергей Попадюк, ЗЛ – Зинаида Лыкова, ГЩ – Галина Щербакова, МБ – Михаил Балашов, СГ – Сергей Глушков, АС – Алла Сарибан (приводятся в порядке публикации дневников в сборнике).



В дневниках молодых людей, в том числе и наших авторов, мы часто замечаем оглядку на контролирующий взгляд (родители, учителя, общественное мнение, доминирующая идеология и т. п.), и это проявляется, в частности, и в специальных усилиях от него отмежеваться и избавиться. «Я пишу не для собрания, а для себя, а потому все мысли откровенны» (ГЩ).

И в этом стремлении отмежеваться — вторая важнейшая функция юношеского/девичьего дневника. Ведение дневниковых записей — это способ создать интимное и защищенное пространство, выйти из зоны контроля. Дневник воспринимается как «собственная комната», место, где можно быть, а точнее — *становиться собой*. Процесс саморефлексии и поиск идентичности совершается в дневнике наедине с самим собой, но одновременно, как ни парадоксально, в присутствии Другого, и в этом смысле автогерметичность дневника фиктивна, так как у дневникового текста обычно есть адресаты, как реальные, так и виртуальные, то есть субъекты для диалога, сконструированные внутри дневникового письма<sup>14</sup>.

Реальный и желанный адресат — это прежде всего заветный друг/подруга. Во многих представленных текстах встречаются указания на то, что друзья читают дневники друг друга и даже пишут друг у друга в дневниках. Ср.: «Сегодня была у Л. болтали, читала ее дневник» (ГЩ); «Давал дневник читать Кунделю, говорил, что я пишу здорово, что он бы так не сумел» (МБ); «Сейчас у меня в голове Натка засела. Она пришла ко мне уже вечером... Разбирая пластинки, она наткнулась и на дневники. Кое-что почитала, в том числе и эту часть. Я разрешила это потому, что хочется, чтобы Натка лучше знала меня, для того, чтобы мне лучше знать ее. Ведь заглянув в мою душу (а дневник — это, как выразилась Талья, душа человека), она лучше будет знать, какой я человек» (ЗЛ); «Скучно, пришел Азик, передаю ему перо свое» (далее следует запись, сделанная другом, Азиком: «Миша ручку свою дал, чтобы что-то написал...») (МБ).

Взаимное чтение дневников — акт доверия, посвящения и удостоверения в собственной значимости.

<sup>14</sup> Подробнее об этом см.: Савкина И. Я, ТЫ, МЫ: о некоторых формах адресованности в дневниках обычных советских людей // *Avtobiografija*. 2019. № 8. С. 149–176.

Помимо реальных читателей, в дневниках есть адресаты придуманные, сконструированные. В определенном смысле сам дневник персонафицируется в образ идеального друга или подруги<sup>15</sup>, и появляются прямые обращения к нему: «Милый мой дневник, прощаюсь с тобой. Не бойся, не навсегда. Временами буду в тебя заглядывать. Сам понимай, начинается пора экзаменов, так что не до тебя. Буду кратко информировать о своих “успехах”» (ЗЛ). Встречаются и обращения к какому-то гипотетическому читателю, чужому, но доброжелательному, как в дневнике Виктора Архиреева: «Не знаю, стоит писать или нет о своих чувствах. Дневник будут читать и чужие люди, чужие по родству, близкие по идеям. Думаю, стоит»; «А с кем прощаюсь — не знаю. С читателем? Так его еще нет!». «Ну что ж. Для того и живем, чтобы к старости поумнеть и умереть. Так ведь, читатель? Или нет!? Как думаешь» (ВА).

Предполагаемым читателем, с которым в тексте дневника ведется прямой, а чаще косвенный диалог, может быть и сам автор дневника, но не тот, кто сейчас водит пером, а будущее и лучшее «я» автора. Один из самых известных в мире исследователей дневников французский ученый Филипп Лежен называет подобную адресованность способом саморефлексии и самопрограммирования, попыткой обратиться к себе будущему, «...которого вы не знаете, кто будет кем-то другим, но которому вы тем не менее доверяете. Вы отдаете себя в руки незнакомца, которым станете. Нынешняя идентичность создающего этот дневниковый текст однажды станет частью непредсказуемой идентичности, которую она породит и которая будет судить о ней»<sup>16</sup>.

Дневник — текст, одновременно от всех скрытый, тайный и адресованный, подконтрольный и свободный, инструмент для выработки стиля и место, где можно болтать, не думая о языке и орфографических ошибках.

Если же воспринимать дневник как источник информации о времени, то эту информацию надо искать не только в перечис-

<sup>15</sup> В практике ведения дневника подобное встречается довольно часто. Например, Анна Франк в своем знаменитом дневнике обращается к читателю как к идеальной воображаемой подруге, называя его/ее «Милая Китти».

<sup>16</sup> *Lejeune Ph. On Diary / ed. by Jeremy D. Popkin & Julie Rak. University of Hawaii Press; University of Hawaii at Manoa, 2009. P. 324.*

лении исторических фактов или деталей повседневности, но, возможно, в первую очередь в самой личности автора дневника — «записывая себя», он запечатлевает и время, которое течет через него и в нем воплощается.

## **ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТТЕПЕЛИ В ДНЕВНИКАХ ПОДРОСТКОВ**

Авторов дневников, представленных в этой книге, не особенно занимает политика. Конечно, в их записях встречаются знакомые любому по учебнику истории имена или упоминания политических событий: выступления Хрущёва, Карибский кризис, гибель Кеннеди, приезд Фиделя Кастро в СССР. Иногда комментарии авторов дневников к таким событиям кажутся неожиданными: «Вчера умер президент Индии Джавахарлал Неру. Хороший был парень, царствие ему небесное» (МБ); «Очень хотелось послушать “С добрым утром!”, но вместо него начал орать Никита. Боже, как он надоел!» (ЗЛ). Или о том же Хрущёве: «Даже не знаю, как и отозваться о нем: гигант — мало и неточно, это — второй Ленин, но у него нет ленинской настойчивости» (ВА).

Приметы повседневности, окружающей наших авторов, тоже не слишком часто попадают в дневник, упоминаются скорее мимоходом. Бесконечная стопка чулок, добывание туфель и пальто, отсутствие картошки в ближайших магазинах, непролазная грязь на улице, сортировка гнилых овощей на овощебазе, невозможность попасть на прием к стоматологу — все это описывается, но не вызывает большого огорчения, воспринимается как естественный фон жизни, как дождь за окном. Неприязательность и терпимость к бытовым неудобствам, которые чаще всего воспринимаются как органическая составляющая жизни, проявляются, например, в подробно и с удовольствием описываемых в дневниках путешествиях и поездках.

Галина Щербакова посвящает десяток страниц записям о школьной экскурсии летом 1962 года по маршруту Тамбов — Мичуринск — Ефремово — Тула — Ясная Поляна — Спасское-Лутовиново — Орел — Елец — Липецк — Тамбов. Ученики восьмых классов

в сопровождении двух учителей едут в кузове грузовика, укрывшись от дождя под самодельным брезентовым тентом, питаются в столовых «какой-то гадостью с кочерыжками», ночуют в школьных спортзалах или на полу в коридоре областного отдела образования, и нет у них не то что постельного белья, но даже и одеял. Заболевают и вылечиваются в дороге, поют, огорчаются и веселятся, а иногда и плачут.

Зина Лыкова, возвращаясь из новогодней поездки к подруге в Рыбинск, садится не на тот поезд, а пересев на идущий по правильному маршруту, обнаруживает, что для покупки билета на последний отрезок пути у нее недостает двадцати четырех копеек. Честная и опасаящаяся контролеров Зинаходит на станции Сокол и шагает по шпалам тридцать с лишним километров. «Я отправилась за ним по шпалам. До Вологды 37 км. Значит, через шесть часов должна быть на месте. Погода, как и все последние дни, была солнечная. Природа кругом живописная. Шла бодрым шагом. Устраивала передышки только когда мимо проходил поезд...».

Путевой дневник Сергея Глушкова рассказывает о семидневном пешем походе по Калининской области, в который автор отправился вдвоем с другом. Ребята чувствуют себя открывателями прекрасных земель, которых еще нет на карте и которые предстоит описать героическим первопроходцам. Дождь, холод, а затем и голод умеряют романтический пыл, но не лишают самоиронии и желания подробно запечатлеть и блеск, и нищету этого путешествия в дневнике.

На самом деле в этих походных историях интересны не только и даже не столько детали повседневности, сколько люди — девочки и мальчики, рассказывающие о себе едущих, идущих, плывущих в быстротекущем потоке времени.

## **ПОЛНОТА ЖИЗНИ И КОЛЛЕКТИВНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ**

Какие же приметы и черты характерны для подростков оттепели, какими мы видим их в дневниковых самоописаниях? Мне кажется, прежде всего стоит сказать об ощущении полноты и насыщенности жизни и о «коллективности» существования.

Наши авторы испытывают и минуты тоски, и чувство непризнанности и одиночества, но в основном их жизнь протекает «на миру» — в окружении друзей и единомышленников. Комсомол и все, что с ним связано, присутствует в каждом дневнике, но не как практика политического воспитания или идеологического принуждения, а как способ организации повседневной жизни, важный для авторов опыт коллективности. На комсомольских собраниях, заседаниях комитетов ВЛКСМ, обсуждениях при приеме новых членов, во время работы, связанной с выпуском стенгазет, решаются важные вопросы: кто плох, кто хорош, кто входит в сообщество «наших», а кто исключен из него и т. п. «Свои» и «значимые другие»<sup>17</sup> важны и в жизни подростков, и в дневниковом нарративе: ведь узнавание аспектов собственной идентичности, как замечает Поль Рикер в книге «Путь признания», зависит от представлений других о тебе или той группы, к которой другие тебя относят<sup>18</sup>, и потому дневник зачастую прямо или косвенно адресован этим референтным группам признания, создается как бы под взглядом невидимых коллективных экспертов.

Таких «своих», значимых для себя людей, авторы-герои наших дневников ищут везде и чаще не в комсомоле, а в других объединениях по интересам. Пожалуй, каждый из них мог бы повторить за героиней стихотворения Агнии Барто: «Драмкружок, кружок по фото, / Хоркружок — мне петь охота, / За кружок по рисованию / Тоже все голосовали!». Если попытаться составить список того, чем увлекались наши авторы, он будет пугающе длинным: хоровое пение, театральные кружки, занятия в музыкальной школе, танцы, рисование (в рамках учебы в художественной школе или в качестве хобби), изучение иностранных языков, переписка с ровесниками из других стран, самостоятельная игра на музыкальных инструментах (пианино, гитара, гармонь), разведение аквариумных рыбок или кроликов, ботанические опыты, фотография, радиотехника,

<sup>17</sup> Социологический термин «значимые другие», обозначающий людей, играющих важную, ключевую роль в процессе самоидентификации, был использован при анализе дневников, например, в работе: *Mason Mary G. The Other Voice: Autobiographies of Women Writers // Autobiography: Essays Theoretical and Critical / ed. by James Olney. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1980. P. 207–235.*

<sup>18</sup> См.: *Рикер П. Путь признания: Три очерка. М.: РОСПЭН, 2010. С. 133.*

авиамоделирование, туризм, коллекционирование (марок, этикеток, значков), спорт (футбол, баскетбол, коньки, лыжи, бег, плавание, парашютный спорт, гимнастика, теннис, шахматы, бокс, велосипед), астрономия и, наконец, чтение. Причем читают наши герои очень много и иногда без разбора, как Зина Лыкова или Виктор Архиреев (последний читает все, что можно достать в сельской библиотеке или купить в книжном магазине райцентра, и это не только художественная литература, но и технические руководства, университетские учебники по истории СССР, книги по биологии и астрономии, «Диалектика природы» Фридриха Энгельса). Кроме таких предсказуемых имен, как Рувим Фраерман или Евгений Евтушенко, в дневниках встречаем в качестве любителей Маяковского и Ремарка. Михаил Балашов из Уфы читает научно-фантастическую повесть Сергея Волгина под названием «Звездный бумеранг» и приходит в восторг от стихов Саши Чёрного. Москвич Сергей Попадюк читает Софокла, Шекспира, Стендаля, Бабеля, Мериме и Вольтера, а ленинградка Алла Сарибан — самиздатовского Гумилёва, Франса, Лорку, обсуждает с приятельницей Фрейда и Ницше. Все наши авторы, кроме не имеющего этой возможности сельского жителя Виктора Архиреева, посещают театры и художественные выставки, но самое популярное «культурное развлечение» у всех без исключения — кино. В кино ходят чуть ли не каждый день (а те, у кого есть возможность, смотрят фильмы и по телевизору), и все так или иначе рецензируют просмотренное, критикуют или восхищаются. Круг чтения и смотрения говорит о том, что тексты соцреалистического канона не были прецедентными для наших авторов. Конечно, давление доминантного идеологического дискурса ощущается в языке, но поскольку перед нами тексты молодых, неопытных «писателей», языковые клише здесь еще не превратились вполне в инструмент рационализации опыта и его нормализации. Неумелость наших авторов дает им некоторую свободу.

Что еще попадает на страницы дневников? Важные события, о которых авторы считают нужным сделать запись, — школьные вечера и публичные диспуты. «О дружбе, товариществе и любви», «Культура поведения советского человека», «Изучение литературы в школе» — описание жарких споров о последней проблеме в литературном клубе «Дерзание» занимает в дневнике Аллы Сарибан

несколько страниц. Как бы, на наш сегодняшний взгляд, ни были нелепы темы этих дискуссий, насколько ни казался бы казенным формат, сама идея диспута как способа обсуждения значимых проблем влияет на практики дневникового письма.

В дневниках подростков оттепели при всем различии условий жизни и характеров поражает, как я уже писала, ощущение необыкновенной полноты и насыщенности жизни. Они дорожат каждым прожитым днем. Боязнь пустоты и незаполненности у них почти маниакальная, здесь они просто вторят друг другу: им хочется жить взахлеб, все успевать, всему научиться, все перечувствовать и перепробовать. «Как мало нужно человеку для счастья! Но мне надо много», — записывает Галя Щербакова. «Хочется жить во всю силу, допьяна: любить, страдать, скакать на коне, прыгать в воду, упорно работать и — бороться... всю жизнь», — мечтает Сергей Попадюк. «Хочу жить. Не только жить в мечтах, быть благородной, страдать, но и быть такой на самом деле, хочу чувствовать, хочу жить, жить, жить, жить, жить», — это из дневника Аллы Сарибан. «Я люблю жизнь! Я хочу жить! Ломать все преграды на своем пути и [на] пути людей», — пишет Виктор Архиреев. Жизнь заполнена действиями, книгами, походами, прогулками, людьми, мечтами, большими и маленькими радостями, минутами беспричинного счастья. Но это не значит, что авторы дневников, о которых идет речь, — люди, не знающие тоски и отчаяния, что они — те жизнерадостные юноши и девушки с устремленными в светлое будущее взорами, которых изображали на советских плакатах, машины по производству социального оптимизма. Нет, в дневниках много неудовлетворенности собой и жизнью, записей, сделанных в горькие минуты одиночества и тоски, отчаяния. На страницах, которые вам предстоит прочесть, есть и конфликты с родителями, и ссоры с друзьями, нелюбовь и недолюбленность, непонимание, немотивированное недовольство собой и миром, гормональные бури, размышления о самоубийстве, о смерти. «Ох уж эта жизнь. Почему она не вечна? Как бы хорошо было, если бы люди никогда не умирали или умирали только на время. Отдохнут и снова жить! И горя не было бы», — пишет Зина Лыкова, которая из-за болезни сердца тщательно фиксирует в дневнике состояние здоровья и много размышляет о возможной ранней смерти.

И все же подростки оттепели больше заняты настоящим, самовоспитанием, самосовершенствованием, желанием реализовать себя не только в каком-то взрослом будущем, но здесь и сейчас, понять себя, найти другого в себе и себя в другом.

## О ДРУЖБЕ, ЛЮБВИ И ТОВАРИЩЕСТВЕ

Другой — это прежде всего друг, дружба вообще ключевое для обсуждаемых текстов понятие. Как инструмент самореализации и самостроительства она всегда «служила главной ареной для формирования личности»<sup>19</sup>.

Про заветного друга авторы дневников могли бы сказать, цитируя известную песню: «Друг — это третье мое плечо — будет со мной всегда» (эта песня из популярного кинофильма «Путь к причалу» упоминается в нескольких дневниках). Дружба изображается и описывается как такая степень близости и «слиянности», при которой даже физические реакции организма у друзей похожи. «В воскресенье у нас с Азиком болели головы, у него после бани, у меня за компанию», — пишет Михаил Балашов. Многие страницы посвящены описанию разговоров с друзьями или сообщениям о переписке с ними. В дневнике Зины Лыковой рассказывается о нескольких историях такой дружбы, но самая выразительная — дружеский роман с Наташей Загребой (на страницах дневника она — Натка, Натулька, Талька, Талечка, Талюнча, Загребка, Загребушка). Подруги ходят к друг другу в гости по несколько раз в день, а не застав, оставляют записки, дежурят под окнами, скучают при малейшей разлуке: «Весь день не видела Наташу. Она ни днем, ни вечером не приходила в школу. Почему? Может, заболела? Неужели и завтра не придет? Не виделась с нею всего день, а уже очень пусто на душе». Они вместе поют, готовят, делают уборку друг у друга дома, лазают по стройкам, читают вслух, исповедуются друг другу, мечтают у раскрытого окна, как Наташа Ростова с кузиной Соней. Дружба эта описывается

---

<sup>19</sup> Хархордин О. Дружба: классическая теория и современные заботы // Дружба: очерки по теории практик / науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 14.



словами любви, да, впрочем, Зина сама так и пишет: «В “обществоведении” у нас есть такие определения любви... “Любовь — это моральная и физическая невозможность жить без другого человека”. Вот и у меня сейчас что-то вроде этого к Наташке. Даже на ночь трудно расставаться с ней». Но эротизм, если и присутствует в этих записях, то очень факультативно, как составляющая дружеской близости, которая описывается идиомой «не разлей вода». Счастье такой разделенности своей жизни с другим почти физическое: «Часто мы с Талькой молчим, часто попусту теряем время. Но мне уже трудно без нее. Когда она рядом, когда чувствуешь ее близость, легче дышится, спокойнее на душе...». Показательно, что в записях, рассказывающих об этой дружбе, нет упоминаний о болезни и страха смерти.

Подобная дружба-любовь с предельной душевной близостью, ревностью, горечью разладов и измен при появлении третьей (третьей) есть и в дневнике Галины Щербаковой. В дневниках юношей тоже много внимания уделено описанию «мужской дружбы» — не безмятежной, но такой, без которой нет ощущения собственной полноты. Виктор Архиреев, страдающий от отсутствия хорошего друга, пишет: «Довериться некому, кроме сестры, а она меня видит редко. Держу на душе тонны неудовлетворения собой, плохого настроения и горя». «О дружбе, товариществе и любви» — недаром именно такого рода названия носили многочисленные публичные диспуты: в наших дневниковых текстах дружба и товарищество часто неотличимы от любви, и не потому что любовь стыдливо именуется дружбой, а потому что в реальных практиках жизни и письма закадычная дружба достигает такого предела близости и разделенности, что начинает напоминать любовь.

Впрочем, о любви в традиционном смысле слова наши авторы тоже, конечно, пишут. Девочки скорее мечтают о ней и страдают от ее отсутствия, рассказывают то об одном, то о другом увлечении, потому что каждое из них, в сущности, только черновой набросок, только приближение к настоящему герою романа: «Мне очень хочется увидеть  $O^{20}$ , но даже не  $O$ , а что-то такое неосязаемое, тот образ, который я создала сама себе. И он немного как-то

---

<sup>20</sup> Такой значок Галина Щербакова использует вместо имени, когда пишет об Анатолии Юдине, однокласснике. В тексте ее дневника он будет неоднократно встречаться.

отражается в О» (ГЩ). Алла Сарибан с трезвостью аналитика разделяет потребность в сильных чувствах, предметом которых может быть «отец или Люська», и «половое, физиологическое, которое только в мозгах». У юношей «половое и физиологическое», конечно, не «только в мозгах», и некоторые намеки на муки плоти можно обнаружить в их дневниковых текстах, но первая любовь описана как поклонение «Афродите небесной», как попытка ее непостижимостью и недостижимостью. Сергей Попадюк записывает, как, пригласив девушку, в которую влюблен, в гости, рисует ее портрет, борясь с искушением приблизиться, притронуться рукой, а не кистью. Михаил Балашов дает своей возлюбленной, однокласснице Нине, прозвище Денёк и описывает страдания от ее отсутствия или невнимания как душевные сумерки. Виктор Архиреев именуется девушку подругой, отношения с ней изображаются как череда запретов и муки ревности. Женственность желанна, но не вожделенна. «Нина для меня кажется недостигаемая»; «этот Денёк вскружил мне голову, сам того не замечая, теперь я готов идти за ним хоть на край света босиком» (МБ). Описание внешности и одежды Нины произвольно складывается в стихи: «Она самая красивая, самая хорошая <...> зимнее пальто у нее синее, а летнее — зеленое» (МБ).

Описанные в дневнике, дружба и любовь будто получают воплощение и полноценность; чувства подтверждаются словами, выведенными черным по белому, авторы самим актом письма удостоверяют реальность и значимость этих чувств.

## ЧТО НЕ ЗАПИСАНО В ДНЕВНИКАХ

В описании дружбы и любви подростки оттепели целомудренны и романтичны. Значит ли это, что они такими и были, или это значит лишь, что такими они себя записали? Ведь дневник никогда не бывает хронологией всех событий, мыслей и чувств — без купюр и лакунов. Не записывается часто не только то, чего не было, но и то, что представляется незначимым или, наоборот, сверхзначимым, опасным для записи. Незафиксированным остается и то, для чего нет слов, нет освоенных и легализованных способов говорить. Внимательный читатель может увидеть эти зияния нерассказанного, потому